

Проспер Мериме

ХРОНИКА ЦАРСТВОВАНИЯ КАРЛА IX

Новеллы

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
М52

Перевод с французского Н. Любимова

Мериме, П.

М52 Хроника царствования Карла IX / П. Мериме; [пер. с франц. Н. Любимов]. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 520 с.

ISBN 978-5-519-61238-8

Действие знаменитого исторического романа «Хроника царствования Карла IX» Проспера Мериме, блестящего драматурга и мастера художественной прозы, происходит во время религиозной резни, получившей в истории название «Варфоломеевская ночь». Тема религиозных войн, фанатизма, приобретающая сейчас, в XXI веке неожиданную остроту, раскрывается в романе с необычайной силой, когда религиозная рознь становится источником семейной трагедии. Писатель создает целую галерею ярких политических фигур той эпохи, описывает нравы придворных и служителей Церкви, солдат и простолюдинов.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Перевод. Н. Любимов,
наследники, 2018

ISBN 978-5-519-61238-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последнее время я прочитал довольно много мемуаров и памфлетов, относящихся к концу XVI века. Мне захотелось сделать экстракт прочитанного, и я его сделал.

В истории я люблю только анекдоты, а из анекдотов предпочитаю такие, в которых, как мне подсказывает воображение, я нахожу правдивую картину нравов и характеров данной эпохи. Страсть к анекдотам нельзя назвать особенно благородной, но, к стыду своему, должен признаться, что я с удовольствием отдал бы Фукидида¹ за подлинные мемуары Аспазии² или Периклова раба, ибо только мемуары, представляющие собой непринужденную беседу автора с читателем, способны дать изображение человека, а меня это главным образом занимает и интересует. Не по Мезре,³ а по Монлю-

¹Фукидид (ок. 460 — ок. 395 до н. э.) — древнегреческий историк.

²Аспазия (вторая половина V в. до н. э.) — древнегреческая куртизанка, возлюбленная афинского государственного деятеля и полководца Перикла (ок. 490—429 до н. э.).

³Мезре, Франсуа (1610—1683) — популярный в свое время французский историк.

ку,⁴ Брантому,⁵ д'Обинье,⁶ Тавану,⁷ Лану⁸ и др. составляем мы себе представление о французе XVI века. Слог этих авторов не менее характерен, чем самый их рассказ.

У Этуаль⁹ сказано мимоходом:

«Девушка Шатоннеф, одна из милашек короля до его отъезда в Польшу,¹⁰ увлеклась флорентинцем Антинотти, начальником галер в Марселе, выскочила за него замуж, а потом, обнаружив, что он впал в блуд, взяла да собственными руками его и убила».

При помощи этого анекдота и множества других — а у Брантома их полно, — я мысленно воссоздаю харак-

⁴Монлюк, Блез де Монтескью (ок. 1499—1577) — французский полководец, участник Религиозных войн; оставил интересные «Комментарии», охватывающие события 1521—1574 годов.

⁵Брантом, Пьер де Бурдейль (1540—1614) — французский мемуарист, автор многотомной серии жизнеописаний замечательных людей его времени; в 1856 году Мериме написал предисловие к новому изданию собрания сочинений Брантома.

⁶Д'Обинье, Теодор Агриппа (1552—1630) — французский поэт, историк и политический деятель, один из вождей гугенотов и соратник Генриха IV в его войнах с католиками. В 1855 году Мериме издал роман д'Обинье «Приключения барона де Фенеста» с большим предисловием.

⁷Таван, Жан (1555—1630) — французский историк и мемуарист, рьяный католик.

⁸Лану, Франсуа (1531—1591) — французский полководец, один из крупных гугенотских военачальников, автор мемуаров.

⁹Этуаль, Пьер Тезан (1546—1611) — французский мемуарист. Его «Мемуары-дневники» (впервые изданы в 1744 году), отличаясь большой точностью и несомненными литературными достоинствами, являются, одним из ценных исторических источников.

¹⁰...до его отъезда в Польшу... — Будущий французский король Генрих III в 1573 году был избран польским королем, но пробыл им недолго: смерть брата освободила для него французский престол.

тер, и передо мной оживает придворная дама времен Генриха III.

Мне представляется любопытным сравнить тогдашние нравы с нашими и обратить внимание на то обстоятельство, что сильные чувства выродились, зато жизнь стала спокойнее и, пожалуй, счастливее. Остается решить вопрос: лучше ли мы наших предков, а это не так легко, ибо взгляды на одни и те же поступки с течением времени резко изменились.

Так, например, в 1500 году убийство и отравление не внушали такого ужаса, как в наши дни. Дворянин предательски убивал своего недруга, ходатайствовал о помиловании и, испросив его, снова появлялся в обществе, причем никто и не думал от него отворачиваться. В иных случаях, если убийство совершалось из чувства правой мести, то об убийце говорили, как говорят теперь о порядочном человеке, убившем на дуэли подлеца, который нанес ему кровное оскорбление.

Вот почему я убежден, что к поступкам людей, живших в XVI веке, нельзя подходить с меркой XIX. Что в государстве с развитой цивилизацией считается преступлением, то в государстве менее цивилизованном сходит всего лишь за проявление отваги, а во времена варварские, может быть, даже рассматривалось как похвальный поступок. Суждение об одном и том же деянии надлежит, понятно, выносить еще и в зависимости от того, в какой стране оно совершилось, ибо между двумя народами такое же точно различие, как между

двумя столетиями.¹¹

Мехмет-Али,¹² у которого мамелюкские беи оспаривали власть над Египтом, в один прекрасный день приглашает к себе во дворец на праздник их главных военачальников. Не успели они войти, как ворота за ними захлопываются. Спрятанные на верхних террасах албанцы расстреливают их, и отныне Мехмет-Али царит в Египте единовластно.

Что же из этого? Мы ведем с Мехметом-Али переговоры, более того: он пользуется у европейцев уважением, во всех газетах о нем пишут как о великом человеке, его называют благодетелем Египта. А между тем что может быть ужаснее совершенного с заранее обдуман-ным намерением убийства беззащитных людей? Но все дело в том, что подобного рода ловушки узаконены местными обычаями и объясняются невозможностью выйти из положения иначе. Ну как тут не вспомнить изречение Фигаро¹³: *Ma, per Dio, l'utilita!*¹⁴

Если бы в распоряжении одного министра, которого я здесь называть не стану,¹⁵ находились албанцы, готовые по его приказу кого угодно расстрелять, и ес-

¹¹Нельзя ли установить такой взгляд и на отдельных лиц? Неужели ворующий сын вора несет одинаковую ответственность с человеком воспитанным, который стал злостным банкротом?

¹²Мехмет-Али (1769—1849) — вице-король Египта. Описанное избиение мамелюков произошло в Каире 1 марта 1811 года.

¹³...изречение Фигаро... — Мериме цитирует пьесу Бомарше «Преступная мать» (д. II, явл. 8).

¹⁴Черт с ним, наплевать, зато польза! (итал.).

¹⁵...одного министра, которого я здесь называть не стану... — Намек на предвыборные махинации французского премьер-министра Виллеля в ноябре 1822 и в 1824 году.

ли бы во время одного из званых обедов он отправил на тот свет наиболее видных представителей оппозиции, то фактически его деяние ничем бы не отличалось от деяния египетского паши, а вот с точки зрения нравственной оно в сто раз более преступно. Убивать — это уже не в наших нравах. Но тот же самый министр уволил многих либеральных избирателей, мелких правительственных чиновников, запугал других, и выборы прошли, как ему хотелось. Если бы Мехмет-Али был министром во Франции, он бы дальше этого не пошел, а французский министр, очутись он в Египте, непременно начал бы расстреливать, оттого что увольнения не произвели бы на умы мамелюков должного действия¹⁶.

Варфоломеевская ночь была даже для того времени огромным преступлением, но, повторяю, резня в XVI веке — совсем не такое страшное преступление, как резня в XIX. Считаю нужным прибавить, что участие в ней, прямое или косвенное, приняла большая часть нации; она ополчилась на гугенотов, потому что смотрела на них как на чужестранцев, как на врагов.

Варфоломеевская ночь представляла собой своего рода национальное движение, напоминающее восстание испанцев 1809 года, и парижане, истребляя еретиков, были твердо уверены, что они действуют по воле неба.

Я — рассказчик, и я не обязан последовательно излагать ход исторических событий 1572 года. Но уж раз я заговорил о Варфоломеевской ночи, то не могу не по-

¹⁶Это предисловие было написано в 1829 году.

делиться мыслями, которые пришли мне в голову, когда я читал эту кровавую страницу нашей истории.

Верно ли были поняты причины резни? Была ли она подготовлена заранее или же явилась следствием решения внезапного, быть может — делом случая?

На все эти вопросы ни один историк не дал мне удовлетворительного ответа.

В качестве доказательства историки приводят городские слухи и воображаемые разговоры, которые очень мало значат, когда речь идет о решении столь важной исторической проблемы.

Иные утверждают, что Карл IX — это воплощение двуличия, другие рисуют его человеком угрюмым, взбалмошным и вспыльчивым. Если он задолго до 24 августа грозил протестантам, — значит, он исподволь готовил их избиение; если он обласкал их, — значит, он двуличен.

В доказательство того, как легко подхватываются самые неправдоподобные слухи, я хочу рассказать только одну историю, которую вы можете найти везде.

Будто бы уже приблизительно за год до Варфоломеевской ночи был составлен план резни. Вот в чем он заключался: в Пре-о-Клер должны были построить деревянную башню; туда решено было поместить герцога Гиза¹⁷ с дворянами и солдатами-католиками, а адмирал¹⁸ с протестантами должен был разыграть атаку

¹⁷Герцог Гиз — Анри де Лорен (1550—1588), один из вождей католической партии и инициаторов Варфоломеевской резни.

¹⁸Адмирал — то есть Гаспар де Колиньи (1519—1572), глава протестантской партии.

— якобы для того, чтобы король поглядел, как происходит осада. Во время этого своеобразного турнира по данному знаку католикам надлежало зарядить свое оружие и перебить врагов, прежде чем они успеют изготавиться к обороне. Чтобы разукрасить эту историю, рассказывают еще, будто фаворит Карла IX Линьероль из-за собственной неосторожности разоблачил заговор, — когда король словесно изничтожал протестантских вельмож, он ему сказал: «Государь! Потерпите немного. У нас есть крепость, и она отомстит за нас всем еретикам». Прошу, однако, заметить, что никто еще не видел ни одной доски от этой крепости. Король велел казнить болтуна. План этот будто бы составил канцлер Бираг,¹⁹ а вместе с тем ему приписывают фразу, свидетельствующую о совершенно иных намерениях: дабы избавить короля от его недругов, ему, Бирагу, нужно, мол, всего несколько поваров. Последнее средство было гораздо более доступным, тогда как план с башней в силу своей необычности представляется почти неосуществимым. В самом деле: неужто у протестантов не возбудили бы подозрений приготовления к военной игре, в которой два стана, еще недавно — враждебных, столкнулись бы лицом к лицу? Да и потом, кто хочет расправиться с гугенотами, тот вряд ли станет собирать их всех в одном месте и вооружать. Ясно, что если бы заговорщики ставили своей задачей истребление всех протестантов, то насколько

¹⁹Екатерина — Екатерина Медичи (1519—1589) — жена французского короля Генриха II, мать Франциска II, Карла IX и Генриха III. Была регентшей в первые годы царствования малолетнего Карла IX.

же целесообразнее было бы перебить их, безоружных, поодиночке!

По моему глубокому убеждению, резня была преднамеренной, и мне непонятно, что заставляет придерживаться противоположного мнения авторов, которые, однако, сходятся на том, что Екатерина²⁰ — женщина очень злая, но что это один из самых глубоких политических умов XVI века.

Оставим пока в стороне нравственные принципы и рассмотрим этот мнимый план только с точки зрения его выгоды. Так вот, я стою на том, что план этот был невыгоден двору; к тому же осуществлен он был в высшей степени бестолково, из чего приходится сделать вывод, что составляли его люди весьма недалекие.

Рассмотрим, выиграла бы или проиграла королевская власть от такого плана и в ее ли интересах было согласиться на то, чтобы он был приведен в исполнение.

Франция делилась тогда на три крупные партии: на партию протестантов, которую после смерти принца Конде²¹ возглавил адмирал, на королевскую партию, слабейшую из трех, и на партию Гизов — тогдашних ультрароялистов.²²

²⁰Екатерина — Екатерина Медичи (1519—1589) — жена французского короля Генриха II, мать Франциска II, Карла IX и Генриха III. Была регентшей в первые годы царствования малолетнего Карла IX.

²¹Принц Конде — Луи де Бурбон (1530—1569), дядя будущего короля Генриха IV, один из вождей протестантов. Попав в плен к католикам в битве при Жарнаке, он был убит Монтеस्कью по распоряжению герцога Ангулемского (будущего Генриха III).

²²...тогдашних ультрароялистов — намек на партию крайних реакционеров, пришедших к власти при Карле X (1824—1830).